

Влияние социальных факторов на употребление эвфемизма

© кандидат филологических наук *Н.М. Потапова*, 2009

Многие исследователи (например, Сеничкина Е.П.) выделяют в явлении эвфемии несколько аспектов, в том числе и социальный. Мы согласны с мнением, что использование эвфемизмов может быть продиктовано социально обусловленными мотивами. О социальной обусловленности эвфемии можно говорить по нескольким причинам:

- язык человека есть средство общения, он имеет социальную природу,
- сам человек и его внутренний мир социальны, то есть общественно ориентированы и общественно обусловлены,
- психологические механизмы эвфемистической замены активизируются в общении,
- выбор эвфемизма зависит от ситуации общения.

На наш взгляд, тезис о социальности человека и его внутреннего мира не нуждается в обосновании. Более того, современные антропологи считают, что главную роль в превращении обезьяны в человека сыграл не столько труд, сколько социальные отношения. Это подтверждается исследованиями интеллекта современных обезьян. Разум, так же как и речь, развились у наших предков именно как инструменты эффективного взаимодействия с многочисленными соплеменниками. Некоторые учёные считают, что размер мозга тесно связан с размером группы, так как при анализе факторов, которые могли бы стимулировать развитие мозга, оказалось, что наиболее значимые корреляции наблюдаются между размером мозга (точнее, отношением размера мозга к общему размеру тела) и величиной социальной группы, а вовсе не со способностями добывания пищи. Размер мозга слабо соотносится с какими-либо другими несоциальными показателями. Зависимость его величины от размеров социальной группы легко представить, ведь чем больше людей, с которыми нужно устанавливать и поддерживать отношения, тем больших затрат это требует от человека, а напряжение как конфликт имеющегося с желаемым ведёт к развитию личности и познанию действительности.

Возвращаясь к социальной сути эвфемии, попробуем обосновать тезис о том, что выбор выразительных средств, в том числе и эвфемизмов, который говорящий делает в ходе коммуникации, во многом обусловлен социальными факторами. Крысин Л.П. подтверждает эту мысль: «Обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать

к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [Крысин 1994:28]. К социальным факторам мы относим *ситуацию общения, социальные классы, роли и статус говорящих, их половую принадлежность.*

В ситуации общения проявляется вариативность языка, зависящая от социальных условий, которую можно представить в двух плоскостях – стратификационной и ситуативной. Стратификационная вариативность отражает социально-классовую структуру общества. Употребление слов и выражений зависит от социального класса. И хотя эта зависимость опосредована культурой, имеет свои особенности в различное историческое время, тем не менее, принадлежность к конкретному социальному классу¹ влияет на мышление и поведение людей, в том числе речевое. По наблюдению Москвина В.П., некоторые русские писатели аристократического происхождения в большей степени склонны обращаться к темам, требующим эвфемизации. К ним относятся Пушкин А.С., Гоголь Н.В., Достоевский Ф.М., Набоков В., Зощенко М.М., Ильф и Петров. В то время как в творчестве таких писателей, как Гайдар А., Волошин М., Блок А. отсутствуют темы, требующие эвфемизации.

Примером зависимости употребления языковых средств от социального класса могут служить изменения в общественно-политической жизни и их отражение в языке. После революции 1917 года язык как факт общественной жизни, как продукт социального развития должен был стать оружием в перестройке экономики и техники, орудием культурной революции. Языковые явления анализировались с точки зрения их классовой принадлежности, изучался их генезис, устанавливалось, какому классу они служат. Прогрессивными считались языковые явления и тенденции в языке, отвечающие интересам пролетариата. Поэтому плановое строительство языка, его рационализация заключались в упрощении литературного языка, для того чтобы язык стал понятным и доступным пролетариату. «Рационализация языка есть сознательное его регулирование на основе познания объективных законов его развития – регулирование, являющееся одним из участков классовой борьбы, подавляющее классово враждебные струи и тенденции в развитии языка и содействующее развитию исторически прогрессивных (т. е. пролетарских) тенденций» [Принципы... 1931:43]. Такими тенденциями стали бурное развитие лексической системы в связи с появлением новых жизненных реалий, проникновение в литературный язык просторечий и диалектизмов, большое распространение слов-аббревиатур: партком,

¹Социальный класс - крупная социальная страта, отличающаяся от других доходом, образованием, властью и престижем; - большая группа людей, имеющих одинаковый социально-экономический статус в системе социальной стратификации.

совхоз, управдом, рабфак и мн. др. Подобная перемена в языке позволила позднее назвать этот классовый язык советским новоязом.

Эвфемизмы, считавшиеся признаком цивилизованности, воспринимались пришедшим к власти пролетариатом как нечто чуждое. Важнейшей особенностью речи новых людей в силу названных причин явилось обильное использование дисфемизмов. Вот несколько примеров дисфемизмов в названиях рассказов Зощенко: «Мелкота», «Свинство», «Закорючка» и отрывков из них: «Другая кондукторша рычит в ответ, если ее спрашивают, и прямо чуть ногами не отбивается от пассажиров. А эта — нечто поразительное. Ну, прямо видим картину из недалекого будущего». Или о женщине, недовольной своим мужем: «Она мечтала встретить какого-нибудь стройного и гибкого мужчину, а муж был немного толстоватый и слегка, как бы сказать, косопузый».

Ещё несколько примеров авторских эвфемизмов: «Горло, говорят, Василий Митрофанович, от вас не убежит. Горло всегда при вас, всегда его прополоскать успеете». (Зощенко М.М., Прелести культуры.) «Больше как две бутылки мне враз нипочем не употребить. Здоровье не позволяет». «Один раз, помню, в день своего бывшего ангела, я четверть выкушал» (Зощенко М.М., Лимонад). Прополоскать горло, употребить, выкушать – эвфемизмы, заменяющие словосочетание «выпить спиртного».

В 1961 году Б.А.Ларин пишет об эпохе «победившего пролетариата»: «Характерным для социалистической эпохи является именно разоблачение эвфемизмов и предпочтение прямых, иногда резких и грубоватых выражений, что наблюдаем в возрастающей пропорции не только в разговорном языке, но даже в языке советской дипломатии и в ораторской речи...» [Ларин 1961:110]. Многие учёные считают, что, к сожалению, такая тенденция сохраняется и в настоящее время (Москвин В.П., Крысин Л.П., Кёстер-Тома З.).

Естественно предположить, что чем выше социальный класс, тем лучше образован человек и тем грамотнее он изъясняется, не употребляя «неприличных» слов, используя эвфемизмы. Однако Жельвис В.И. опровергает это мнение: «Ограничения на употребление обсценного словаря могут частично или полностью игнорироваться в любых классах общества, в том числе самом образованном, включая высших политических деятелей, видных учёных, художников и т.д. Примеры тому в изобилии встречаются на страницах мемуаров, художественной литературы, писем» [Жельвис 1992: 50]. To swear like a lord – это выражение отражает тенденцию элиты «не брезговать соответствующим вокабуляром» [там же].

Исследователями часто отмечается, что подчёркнутое использование эвфемизмов характерно для средних классов общества. Объяснением

этому может служить высокое социальное положение, которое воспринимается элитой как некая должность и, находясь на верху иерархической лестницы, они не стремятся использовать гиперкорректные выражения для повышения своего статуса. Представители среднего класса стараются использовать любую возможность хотя бы для внешнего повышения своего социального положения, проявлением которого им кажется использование в речи смягчённых корректных выражений. Например, школьные учителя (относящиеся к среднему классу) используют большое количество эвфемизмов для называния отстающих учеников. В словаре эвфемизмов Холдера Р. выделено две тематические группы «Education» и «Low Intelligence». Примеры использования подобных эвфемизмов: «The BBC had been offered the series and had turned it down because one of the pupils was academically subnormal» [Холдер 2003].

«We do have a special course for the Over-active Underachiever» continued the Headmaster [Холдер 2003]. Эвфемизм *underachiever* при переводе на русский язык почти потерял свои эвфемистические свойства. *Developmentally challenged* (*developmental is associated with ignorance, lack of ability*), *underachiever*, *academically subnormal*, *uniquely proficient* («*uniquely*» used in compound adjectives with the meaning – suffering from a defect) - лишь несколько распространённых эвфемизмов этой тематической группы.

Гиперкорректное произношение, претенциозные выражения характерны для представителей нижнего слоя среднего класса. Например, *I desire to purchase* вместо *I should like to buy*; *Will you accord me permission* вместо *Will you let me*; *May I*.

Москвин В.П. считает, что поскольку для нижнего социального слоя, говорящего на просторечьи, практически не существует ни лексических, ни тематических запретов, то и средства эвфемизации они не используют, отвергают как коммуникативно нецелесообразные, либо слишком обременительные. Следовательно, люди недалёкие и невежественные не будут использовать эвфемизмы.

Логичной представляется мысль Москвина В.П. о нераспространённости эвфемии среди «непрестижных» социолектов, ведь построение и использование фигуральной речи (эвфемистической) требует определённой речевой культуры и определённого умственного развития.

Однако есть многочисленные свидетельства употребления эвфемизмов представителями социальных низов. Серебренников Б.А. приводит следующие примеры: *нарезать винта* – убежать из места заключения, *стукнуть шпалерам* – убить кого-либо из револьвера, *брать на перетьрку* – организовать быструю передачу по рукам украденной вещи, *стоять на стреме* – караулить и др. «Лексике воровского жаргона нередко при-

сущ циничный и грубый эвфемизм, стремящийся прикрыть обычными по внешней форме словами различные преступные действия».

Правомерным кажется мнение, разделяемое многими исследователями (Сеничкиной Е.П., Кацевым А.М., Крысиным Л.П.) о том, что эвфемизмы свойственны всем стилям языка и используются всеми социальными группами.

Посмотрим, как социальная роль влияет на выбор эвфемизма. Единицей ситуационного измерения языка, как говорилось выше, являются роли, в которых отражены социально обусловленные отношения между участниками коммуникативного акта. Под ролью понимается устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека. Ролевое поведение есть поведение человека, занимающего определенную социальную позицию в соответствии с ожиданиями людей. Оно строится по образцу и имеет границы: исполнитель роли наделен определенной степенью свободы действий. Можно говорить о роли родителя, офицера, пассажира, но нет, например, ролей человека вообще, с одной стороны, и зевающего человека, с другой стороны, так как, ни общие характеристики, ни единственный релевантный признак не дают возможности составить роль - «внутренне связанную систему поступков, являющихся реакциями на поведение других людей» [Щепаньский 1969: 71]. Можно предположить, что в определенных ролях людям в большей или в меньшей степени свойственно использовать эвфемизмы. Например, в разговоре с начальством представитель какой-нибудь профессии скорее употребит эвфемизм, чем в разговоре с супругом, -гой.

Важнейшим детерминантом ролевых отношений является статус – «комплекс постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида» [Швейцер 1983:15-20], то есть положение личности в обществе, устанавливаемое в терминах прав, обязанностей, привилегий и свобод, которые она (личность) получает благодаря своему положению. Социальный статус выражается в виде социальной дистанции между участниками общения, то есть в «погашении индивидуальных характеристик человека, занимающего определенную социальную позицию, и в актуализации отношений неравноправия между участниками общения» [Карасик 2002:41]. Социальный статус существует в каждом обществе, дифференцируя людей в социальном процессе, его можно повысить или понизить; человек может иметь статус только в общении с другими людьми, которые признают его место и обращаются с ним определенным образом. Статус, даже если он низок, важен, ибо без него человек не имеет прав в общественном окружении. Обладание статусом позволяет человеку ожидать и требовать опреде-

лённого отношения со стороны других людей. Системы социальной дифференциации различаются по степени их стабильности².

Речь является важнейшей характеристикой социального статуса человека и одним из его индексов наряду с особенностями одежды, жилья, манер, способов времяпрепровождения. Статусная индикация речи прослеживается в произношении, выборе слов и соблюдении правил нормативной грамматики со стороны представителей разных групп населения. Выделяются специфические характеристики речи образованных и менее образованных людей, мужчин и женщин, взрослых и детей, людей, говорящих на родном и неродном языке, использующих развернутый и ограниченный речевой код.

Эвфемистический характер носит индикация непрестижного статуса в англоязычном обществе. Менкен Г. считает, что американцы в большей степени склонны вуалировать, приукрашивать название своих непрестижных профессий, нередко придумывая для них новые (эвфемистичные) названия: *mortician* вместо *undertaker*, *beautician* вместо *hairdresser*, *exterminating engineer* вместо *rat-catcher*, *tree-surgeons* вместо *tree-trimmers*, *landscape-architects* вместо *gardeners*. Среди названий различных заведений тоже распространены эвфемистические наименования с целью повышения социального статуса: любой колледж стремится получить название университета. Вместо простого *shop* предпочитают использовать *store*, вместо прямого *jail – house of detention*. Слова, указывающие на низкий социальный статус, такие как *second-hand*, *ready-made* почти совсем исчезли из употребления, появились эвфемизмы *ready-tailored*, *ready-to-wear*, *slightly-second*. Продавцы подержанных автомобилей являются приверженцами эвфемистических переименований, свой товар они называют *reconditioned*, *rebuilt*, *repossessed* (данные английские эвфемизмы не поддаются переводу без утраты своего эвфемистического потенциала). Дорогие вагоны первого класса в поездах называются *first class*, а более дешевые вагоны обозначаются посредством определения *standard*. В рекламе не встречается слово *cheap*, потому что прямо апеллировать к дешевизне рискованно: покупатели могут почувствовать себя или прижимистыми, или бедными. Скорее всего, будет использовано слова *inexpensive*, *reasonably priced*, или *artificial*. Избегают говорить *small*, и др. Когда речь идет об обуви и подошва обозначается как *leather soles* (прямое наименование) – это признак дорогой обуви, *man-made soles* (косвенное наименование) говорит о менее дорогой обуви. Эвфемистические переименования нужны, для

² В относительно устойчивых обществах статус не только ясно определен, но может быть приобретен лишь путём наследования или прохождения хорошо установленного ряда процедур. В изменяющемся обществе меньше согласия относительно прав и обязанностей людей различного положения и пути продвижения обозначены менее ясно.

того чтобы менее состоятельные люди не чувствовали себя ущемленными.

Говоря о влиянии ситуации общения на выбор выразительных средств, мы прежде всего руководствуемся уместностью речи для данной ситуации общения. Вопрос о правильной оценке речевой ситуации, об уместности речевых средств сложен и зависит от различий между участниками общения.

Ситуации общения можно представить как симметричные и асимметричные. В асимметричных ситуациях использование прямых наименований может быть нежелательным, поэтому эвфемия будет использоваться для адаптации речевых средств целям общения. Об асимметричных ситуациях Жельвис В.И. в работе «Психологическая интерпретация инвективного воздействия» (1992) пишет, что для инвектив³ характерно движение «сверху вниз», а не наоборот. Следовательно, эвфемизмы скорее употребляются «снизу вверх», например, в ситуации «подчинённый – начальник», поскольку тот, чей статус выше, может позволить себе большую свободу речи и не использовать косвенные наименования. Тем не менее, существует и множество примеров употребления эвфемизмов «сверху вниз», когда к ним прибегают руководители в общении с подчинёнными, для вуалирования неприятной ситуации. Career change вместо dismissal from employment может служить примером: «The company's claim that its trading director had suddenly decided it is time for a career change after 23 years with Sainsbury's was a surprise to the rest of us... but a £270000 pay-off rather gives the game away – it transpired that the recipient had not arranged another career to change into». (Daily Telegraph, 29 October 2006). Ещё один похожий пример: «Workers headed home... with their redundancy pink slips and an invitation to drop in on what Boeing euphemistically calls its Career Transition Center to begin the search for new work». (Sunday Telegraph, 6 December 2006).

Крысин Л.П. (1994), говоря о зависимости употребления эвфемизмов от ситуации, подчёркивает, что «чем жёстче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим своей речи, тем более вероятно появление эвфемизмов. И, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи эвфемизмам могут предпочтаться «прямые» обозначения или дисфемизмы.

Говоря о социальной обусловленности эвфемии, нужно отметить и её зависимость от пола говорящего. Социальная стратификация по половому признаку достаточно чёткая. Появился термин «гендер», «гендерная стратификация». Часто пол и гендер выступают синонимами, разница между ними в том, что первый относится к биологическим

³ Инвектива – оскорбление, форма языкового насилия над личностью (Шарифуллин Б.Я.). Этимологически данное слово восходит к латыни *invective oratio* – «бранная речь».

характеристикам человека: хромосомный набор, анатомия, и т.д.; а второй – к социальным, культурным и психологическим характеристикам. По мнению социологов, «sex is an ascribed status because a person is born with it, gender is an achieved status because it has to be learned» [Lindsey, Beach 2000: 314]. Учёные имеют в виду то, что человек в ходе взросления осваивает социальные модели поведения, присущие своему полу.

Подтверждает мысль о большей склонности женщин к эвфемизмам О.Есперсен. В своей работе «Language. Its nature, development and origin» он обратил внимание на особенности речевого поведения женщин, на их влияние на развитие языка. «Women exercise a great universal influence on linguistic development through their instinctive shrinking from coarse and gross expressions and their preference for refined and veiled and indirect expressions in certain spheres» [Jespersen 1923: 246]. Учёный предположил, что многие эвфемизмы изобретаются женщинами: «such euphemistic substitutes for a simple word «hell» as «the other place», «a very hot or a very uncomfortable place» originated with women» (там же).

Стремление женщин использовать более престижный вариант языка (здесь мы понимаем лишённый грубых прямых выражений, склонный к эвфемизмам по требованиям вежливости и риторике) отмечается Традгиллом П., который их употребление объясняет социальным статусом, имеющим большое значение для женщин. Те же причины он видит:

в воспитании женщиной детей, стремлении передать им культуру, требующую необходимости приучения их к «престижным» речевым нормам,

социальное положение женщины традиционно менее надёжно, отсюда следует её потребность обозначать свой статус языковыми средствами,

мужчин оценивают по их деятельности, женщин – по тому, как они выглядят и говорят [Традгилл 1984:400].

Однако Лакофф Робин, одна из представительниц феминистского движения, критикует подобную точку зрения. В своей книге «Language and Women's Place» она пишет, что женщины стали жертвами языковой дискриминации по двум направлениям: «in the way they are taught to use the language and in the way general language treats them» [Lakoff 1975: 4]. Значит, особенности речевого поведения женщин связаны с традиционным воспитанием, девочек приучают к скромности, вежливости, мягкости в речи. Но внешняя скромность не всегда соответствует внутреннему состоянию. Мысль об особом отношении языка к женщинам (language treats them) выражает точку зрения многих женщин-исследователей на современный язык. Считается, что в современном языке отражается дискриминация женщин, так как преобладают грам-

матические и лексические формы мужского рода. Этот факт доказывает доминирующую роль мужчин в обществе.

Классовая и половая (гендерная) принадлежность, несомненно, влияют на употребление эвфемизмов. Однако они не исключают элементов сознательного выбора тех или иных единиц в конкретной речевой ситуации. Ситуация общения – важнейший фактор, определяющий выбор речевых средств. Лабов У. пишет: «As far as we can see, there are no single-style speakers. Some informants show a much wider range of style shifting than others, but every speaker we have encountered shows a shift of some linguistic variables as the social context and topic change» [Labov 1972:208]. Развивая данную мысль, следует сказать, что для выбора адекватных в конкретной ситуации выразительных средств недостаточно учитывать перечисленные социальные факторы. Важно учитывать различия, связанные с личными особенностями говорящего и слушающего: возраст, состояние здоровья, прошлое, индивидуальные вкусы.

Итак, на речевую вариативность и, как следствие, на употребление эвфемизмов влияют следующие факторы:

- социальный класс,
- социальная роль,
- социальный статус,
- социальная ситуация,
- половая принадлежность.

Л и т е р а т у р а

- Есперсен О.* Философия грамматики. – М., 1923.
Жельвис В.И. Психологическая интерпретация инвективного воздействия. – Ярославль, 1992.
Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. – Л., 1988.
Кацев А.М. Эвфемизмы и просторечие. Семантический аспект. Актуальные проблемы семасиологии. – Л., 1991.
Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
Кёстер-Тома З. Стандарт. Субстандарт. Нонстандарт // Русистика. №2. – Берлин, 1993.
Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // РЯШ, 1994. – №5.
Ларин Б.А. Об эвфемизмах. Учёные записки ЛГУ. Сер. фил. наук, 1961.
Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. – М., 2007.
Принципы рационализации делового языка. – М., 1931.
Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс. – М., 2006.
Серебренников Б.А. Общее языкознание. – М., 1970.
Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М., 1983.
Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., – 1969.
Lakoff R. Language and Women's Place. – 1975.
Lindsey L., Beach S. Sociology, 3/E 2000.
Mencken H.L. The American Language: an Inquiry into the Development of English in the United States. – Knopf, 1936.
Trudgill P. Standard English in England. – Cambridge University Press, 1984.
Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. – Oxford University Press, 2003.